



Илья Александрович Васильев

*доцент кафедры теории и истории государства и права СПбГУ,
кандидат юридических наук*

i.vasilev@spbu.ru



Анастасия Александровна Кашаева

обучающаяся СПбГУ по программе «Юриспруденция»

n.kashaeva2012@mail.ru

СПОРТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ФУТБОЛЬНЫХ КЛУБОВ ЗА ОСКОРБИТЕЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ БОЛЕЛЬЩИКОВ НА ОСНОВАНИИ п. «е» ч. 2 ст. 16 Дисциплинарного РЕГЛАМЕНТА СОЮЗА ЕВРОПЕЙСКИХ ФУТБОЛЬНЫХ АССОЦИАЦИЙ (УЕФА) И ст. 112, 116 Дисциплинарного РЕГЛАМЕНТА РОССИЙСКОГО ФУТБОЛЬНОГО СОЮЗА (РФС)

В отечественной научной литературе тема спортивной ответственности клубов за поведение болельщиков практически не рассматривается. Активное участие российских футбольных клубов в европейских соревнованиях под эгидой УЕФА и, как следствие, необходимость выполнения требований к поведению болельщиков Дисциплинарного регламента этой спортивной организации в очередной раз ставят вопрос о сопоставлении национального и наднационального уровней регулирования ответственности клубов за поведение болельщиков. В настоящей статье сопоставляются положения Дисциплинарных регламентов УЕФА и РФС, устанавливающие ответственность футбольных клубов вследствие оскорбительного поведения болельщиков.

Ключевые слова: ответственность футбольных клубов за поведение болельщиков, строгая ответственность, оскорбительное поведение болельщиков

Футбольный матч — одно из самых популярных и часто посещаемых мероприятий среди населения, независимо от возраста, рода занятий и социального положения. Следует заметить, что зрелищность футбольных матчей является одной из форм привлечения людей к участию в занятиях спортом и физической культурой. Но это одна сторона вопроса. Другой, проблемной, стороной выступает поведение болельщиков. Так, спортивные правонарушения стали настолько часто встречаться, что на уровне национальных законодательных систем предпринимаются попытки регламентации поведения зрителей на спортивных мероприятиях и ужесточения санкций за спортивные правонарушения с целью предотвращения подобных случаев в будущем.

Наряду со вниманием законодателя вопрос поведения болельщиков спортивных соревнований неизбежно находится в сфере регулирования спортивных организаций. Применительно к футболу сложилась модель дисциплинарной ответственности клубов перед своей национальной ассоциацией, а также перед Союзом европейских футбольных ассоциаций (далее — УЕФА) за поведение болельщиков на матче соответствующего соревнования. Статья 8 Дисциплинарного регламента УЕФА определяет ответственность футбольного клуба за нарушение своими болельщиками правил организации и проведения спортивного соревнования, изложенных в актах УЕФА, даже при отсутствии вины¹. В частности, основные принципы деятельности УЕФА диктуют неприемлемость нарушения основ правомерного поведения на спортивном соревновании, т.е. использования соревнования для пропаганды не связанных со спортом идей и поведения, наносящего вред репутации футбола или деловой репутации УЕФА.

В то же время противоправные действия болельщиков необходимо ограничивать от ненадлежащего обеспечения безопасности на прилегающей к стадиону территории и на стадионе до, во время и после матча. Обязанность надлежащего обеспечения безопасности, как следует из норм ч. 1 ст. 16 Дисциплинарного регламента УЕФА, возложена на клуб, являющийся организатором матча. Подобная логика прослеживается и в положениях ст. 101 Дисциплинарного регламента Российского футбольного союза (далее — РФС), устанавливающих ответственность клуба — принимающей стороны за необеспечение общественного порядка и безопасности на стадионе. Применительно к обязанности надлежащей организации матча и обеспечения безопасности УЕФА в нормах ч. 1 ст. 16 своего Регламента не использует принцип строгой ответственности², если клуб сможет доказать, что предпринял все необходимые меры для выполнения возложенной на него обязанности³. Такой подход в целом соответствует позиции РФС, закрепившего в положениях ч. 3

¹ В практике УЕФА, Спортивного арбитражного суда (CAS), спортивных организаций такая ответственность называется строгой ответственностью (*strict liability*).

² См. формулирование принципа в практике Спортивного арбитражного суда: CAS 2002/A/423 PSV Eindhoven, р. 12 (Arbitrage TAS 2002/A/423 PSV Eindhoven / Union des Associations Européennes de Football (UEFA), sentence du 3 juin 2003). Принцип строгой ответственности направлен на распределение ответственности между субъектами.

³ Такой подход сформулирован в деле клуба KKS Lech Poznań, см.: Decision of 16 December 2015. Case Law Control, Ethics and Disciplinary Body & Appeals Body. Season 2015/2016. July 2015 — December 2015.

ст. 5 Дисциплинарного регламента понятие вины субъекта, а в положениях ст. 101 не сформулировавшего исключение из общего принципа ответственности на основании вины клуба в пользу использования принципа строгой ответственности.

Ответственность клубов за нарушение своими болельщиками правил организации и проведения спортивного соревнования *отграничивается* от ответственности за ненадлежащую организацию и обеспечение безопасности матча. Противоправное поведение принадлежащих к клубу болельщиков, перечисленное в нормах ч. 2 ст. 16 Дисциплинарного регламента УЕФА, означает привлечение клуба к строгой ответственности даже в случае отсутствия вины. Так, в соответствии с п. «е» этой нормы на клуб возложена ответственность за использование болельщиками *жестов, слов, объектов или иных способов передачи информации, не относящейся к спортивному соревнованию, и в частности сообщений политического, идеологического, религиозного, обвиняющего, провоцирующего характера*. Заметим также, что перечень противоправных действий болельщиков в нормах п. «е» ч. 2 ст. 16 Дисциплинарного регламента УЕФА является *открытым*. Это позволяет Контрольно-дисциплинарной и этической комиссии, Апелляционной комиссии УЕФА в правоприменительной практике рассматривать в качестве противоправных любые действия болельщиков, не охватываемые иными статьями Дисциплинарного регламента и *выражающиеся в угрозе организации и (или) безопасности матча, совершённые на стадионе или на прилегающей к стадиону территории* («h. any other lack of order or discipline observed inside or around the stadium»).

Использование УЕФА и РФС строгой ответственности клубов за оскорбительное поведение болельщиков

Привлечение в национальных законодательных системах зрителей к юридической ответственности представляется определенной проблемой по причине необходимости идентификации нарушителей⁴. Как следствие, привлечение клубов к *строгой ответственности* за поведение болельщиков остается единственным доступным для спортивных организаций средством вытеснения противоправного поведения болельщиков за пределы соревнований⁵. Для многих национальных законодательных систем принцип строгой ответственности используется в ситуации, когда необходимо предотвратить возможный ущерб социально значимым ценностям и интересам, но затруднительно установить наличие хотя бы неосторожности отвечающей за ущерб стороны.

Доказывание *принадлежности болельщика к одному из двух участвующих в матче клубов* в регулировании УЕФА и РФС выстраивается по-разному.

⁴ Близкое по смыслу обоснование приводится в практике CAS применительно к принципу строгой ответственности, см.: CAS 2002/A/423 PSV Eindhoven (Arbitrage TAS 2002/A/423 PSV Eindhoven / Union des Associations Européennes de Football (UEFA), sentence du 3 juin 2003).

⁵ Близкое по смыслу обоснование использования УЕФА строгой ответственности приводится в деле клуба *FC Barcelona*, см.: Decision of 16 December 2015. Case Law Control, Ethics and Disciplinary Body & Appeals Body. Season 2015/2016. July 2015 — December 2015.

УЕФА не регулирует время ответственности клубов на основании признака нахождения принадлежащих к ним болельщиков в конкретных секторах, на конкретных трибунах стадиона. Вместо этого в правоприменительной практике юрисдикционных органов используется модель *добросовестного, объективного наблюдателя* (*reasonable, objective observer*). Как следует из последовательной правоприменительной практики⁶, понятие «болельщик» умышленно не определено в актах УЕФА и представляет собой открытую концепцию. Этот термин трактуется в каждом конкретном случае на основе материалов дела при помощи использования модели добросовестного, объективного наблюдателя. Вопреки встречающимся в правоприменительной практике попыткам клубов вложить в понятие «болельщик» определенное содержание, юрисдикционные органы УЕФА подчеркивают: в понятии «болельщик» не следует видеть ограниченный контекст. Как следствие, термин не связан ни с расой, ни с национальностью, ни с гражданством или местом проживания лица, ни даже с фактом приобретения билета для посещения матча.

Последний аргумент интересен тем, что позволяет при помощи модели добросовестного, объективного наблюдателя устанавливать вероятностную (соответствующую стандарту *comfortable satisfaction*, используемому при доказывании юрисдикционными органами УЕФА⁷) принадлежность болельщика даже в ситуации проведения матча за закрытыми дверями (без зрителей). Например, в деле *Croatian Football Federation* проведение матча без зрителей на территории Хорватии указывало на недобросовестность аргумента о возможности вывешивания болельщиком другой сборной неприемлемого баннера на стадионе. Также поскольку организатором матча была обвиняемая в спортивном правонарушении сторона, то только ее работники, являющиеся гражданами государства, обеспечивали подготовку матча и имели доступ на стадион.

Применение модели добросовестного, объективного наблюдателя требует учитывать и содержание отчета делегата матча УЕФА, в котором может содержаться информация о присутствии на стадионе болельщиков противоположной стороны. Значит, термин «болельщик» в практике УЕФА является открытой концепцией, используемой для более гибкого реагирования *case-by-case*, в том числе на оскорбительные действия болельщиков, предусмотренные п. «е» ч. 2 ст. 16 Дисциплинарного регламента УЕФА. Подобная позиция была сформулирована Апелляционной комиссией УЕФА при рассмотрении дела клуба *KKS Lech Poznań*. Открытой концепция болельщика должна оставаться для постоянного наличия у юрисдикционных органов права противодействовать противоправному поведению болельщиков, которое может нарушать цели деятельности и ценности УЕФА. Аналогичная позиция ранее была конституирована в правоприменительной практике Спортивного арбитражного суда (далее — CAS)⁸.

⁶ См.: дело *Croatian Football Federation*. Decision of 17 September 2015. Case Law Control, Ethics and Disciplinary Body & Appeals Body. Season 2015/2016. July 2015 — December 2015.

⁷ Используемый стандарт доказывания закреплен в положениях ч. 2 ст. 18 Дисциплинарного регламента УЕФА.

⁸ См.: CAS 2007/A/1217 (Arbitration CAS 2007/A/1217 Feyenoord Rotterdam v. Union of European Football Associations (UEFA), award of 20 April 2007).

РФС как национальная ассоциация в положениях ст. 32 Дисциплинарного регламента *распределила бремя ответственности* за противоправное поведение болельщиков между клубом — принимающей стороной и клубом, играющим в гостях. В качестве критерия используется нахождение зрителей на местах, выделенных играющему в гостях клубу принимающей стороной, или на иных местах стадиона. Места для играющего в гостях клуба выделяются в соответствии с регламентом конкретного соревнования. По умолчанию, если не будет доказано иное, зрители, которые занимают места для играющего в гостях клуба, считаются болельщиками этого клуба. Занимающие оставшиеся места стадиона зрители рассматриваются в качестве болельщиков клуба — принимающей стороны. Согласно Дисциплинарному регламенту РФС футбольные клубы привлекаются к ответственности за *скандирование зрителями ненормативной лексики и оскорбительных выражений*, а также за *демонстрацию зрителями средств наглядной агитации оскорбительного характера*, что соответствует ст. 112 и 116 соответственно.

Природа права юрисдикционных органов УЕФА на привлечение клубов к спортивной ответственности

Вопрос о правомочности использования института спортивной ответственности в положениях Дисциплинарного регламента УЕФА и привлечения к такой ответственности футбольных клубов неоднократно поднимался в правоприменительной практике Спортивного арбитражного суда и юрисдикционных органов УЕФА. Футбольные клубы используют в тактике защиты доводы о недопустимости дисциплинарных полномочий УЕФА как таковых, а также о неправомочности применения определенных стандартов доказывания и наложения санкций. Такая аргументация не находит легальных оснований и признается несостоятельной.

Апелляционная комиссия в деле *Hungarian Football Federation* отметила, что поскольку УЕФА является ассоциацией, зарегистрированной на основании швейцарского права, то положения ст. 60 ГК Швейцарии позволяют организации устанавливать собственные нормы и распространять дисциплинарную власть на своих участников⁹. Как следствие, право наложения санкций базируется на нормах гражданского права, а не административного или уголовного. *Санкции, применяемые юрисдикционными органами, не являются наказанием в значении, которое придают этому понятие национальное и международное уголовное право*¹⁰.

Такая позиция была подтверждена в решениях по двум делам клуба *FC Barcelona*¹¹. В данных кейсах юрисдикционный орган указал на правомочность распростране-

⁹ См.: Decision of 3 February 2015. Case Law Control, Ethics and Disciplinary Body & Appeals Body. Season 2015/2016. January 2015 — June 2015.

¹⁰ Вывод содержится в решении Спортивного арбитражного суда, см.: CAS 2005/C/976&986 (Advisory opinion CAS 2005/C/976 & 986 Fédération Internationale de Football Association (FIFA) & World Antidoping Agency (WADA), 21 April 2006).

¹¹ См.: Decision of 16 December 2015; Decision of 21 June 2016. Case Law Control, Ethics and Disciplinary Body & Appeals Body. Season 2016/2017. January 2016 — June 2016.

ния санкций на футбольные клубы, поскольку УЕФА как ассоциация, зарегистрированная по швейцарскому праву, обладает широкой автономией в регулировании отношений со своими членами. В частности, *она может применять на основании собственного регулирования и некоторых основных принципов права (включая принципы пропорциональности и права быть услышанным) дисциплинарные санкции в отношении клубов*. Мнение юрисдикционного органа подкрепляется состоявшимся ранее решением CAS, сделавшего аналогичные выводы¹².

Формулирование положений ст. 16 Дисциплинарного регламента УЕФА предполагает обращение к толкованию, осуществляемому в правоприменительной практике юрисдикционных органов. Для уточнения смысла норм п. «е» ч. 2 ст. 16 юрисдикционным органам необходимо определить содержание, учесть грамматические и синтаксические правила. Для этого потребуются выявить намерения принимавшего акт органа и объективно увидеть заложенный им в норму Дисциплинарного регламента смысл¹³. Также юрисдикционный орган может обратиться к предыстории и современному состоянию регулирования рассматриваемого вопроса¹⁴. Продемонстрированная модель толкования норм спортивных регламентов является актуальной и для органов национальных ассоциаций — членов УЕФА, позволяя использовать ее в процессе применения положений Дисциплинарного регламента РФС. В практике рассмотрения юрисдикционными органами УЕФА споров, связанных с оскорбительными действиями болельщиков, толкование положений ч. 2 ст. 16 Дисциплинарного регламента УЕФА осуществляется на основании рассмотренных нами выше правил толкования.

Толкование клубами принципа строгой ответственности, применяющегося на основании п. «е» ч. 2 ст. 16 Дисциплинарного регламента УЕФА

Ошибкой в интерпретации клубами положений п. «е» ч. 2 ст. 16 Дисциплинарного регламента УЕФА является обязательное присутствие негативных последствий, без наступления которых нет оснований для привлечения клуба к строгой ответственности за оскорбительное поведение болельщиков. Такая аргументация, в частности, была представлена клубом *FC Barcelona*¹⁵, но она была признана юрисдикционным органом несостоятельной, поскольку негативные последствия необходимы для доказывания допущенной клубом неосторожности и являются основанием для квалификации ответственности клуба только в соответствии с ч. 1 ст. 16 Регламента. *Для привлечения клуба к ответственности на основании положений п. «е» ч. 2 ст. 16 Дисциплинарного регламента УЕФА достаточно установления оскорбительного характера поведения болельщиков, выразившегося в скандировании, демонстрации баннера и иных возможных публичных действиях.*

¹² См.: CAS 2011/A/2426 Amos Adamu v. FIFA.

¹³ См.: CAS 2013/A/3324 & 3369.

¹⁴ См.: CAS 2013/A/3324 & 3369: GNK Dinamo v. UEFA.

¹⁵ См.: FC Barcelona. Decision of 21 June 2016.

Другая ошибка интерпретации была продемонстрирована в деле *Galatasaray A.S. Youth*, в котором клуб аргументировал свое освобождение от ответственности вследствие отсутствия статуса организатора матча¹⁶. Юрисдикционный орган УЕФА обоснованно признал несостоятельным такой довод, расходящийся с собственной последовательной практикой¹⁷. Спортивная ответственность клуба на основании п. «е» ч. 2 ст. 16, в отличие от ч. 1 ст. 16 Регламента, строится на основании принципа строгой ответственности и распространяется на оба клуба, участвующих в конкретном матче. *Не освобождает клубы от спортивной ответственности за оскорбительное поведение болельщиков ни выявление болельщиков-нарушителей, ни использование стюартов* (последнее прямо предусмотрено как обязанность любого клуба в соответствии с Регламентом УЕФА о безопасности и порядке на стадионе (*UEFA Safety and Security Regulations*))¹⁸.

Принятие эффективных мер по противодействию оскорбительному поведению болельщиков

Обязанности клуба по противодействию противоправному поведению принадлежащих к нему болельщиков четко определены в положениях Регламента УЕФА о безопасности и порядке. Поэтому не является основанием, освобождающим от ответственности, наличие у клуба политики, противодействующей оскорбительному поведению болельщиков. Аналогичный вывод можно сделать по отношению к действиям официальных лиц клуба по пресечению оскорбительного поведения болельщиков. Такие действия могут учитываться, как следует из положений ст. 17 Дисциплинарного регламента УЕФА, только в качестве смягчающих обстоятельств¹⁹. Однако любая дополнительная, т.е. не предусмотренная Регламентом УЕФА о безопасности и порядке, активность клуба по превентивному недопущению поведения болельщиков, описанного в п. «е» ч. 2 ст. 16 Дисциплинарного регламента УЕФА, может быть оценена как смягчающее обстоятельство²⁰. Тем не менее *содержание дополнительной активности клуба не следует рассматривать настолько широко, чтобы включать в нее меры, предпринятые клубом post factum*. Так, в практике юрисдикционных органов УЕФА не получил оценки в качестве дополнительной активности факт установления клубом личности болельщика, использовавшего оскорбительный баннер²¹.

¹⁶ См.: Decision of 3 February 2015. Case Law Control, Ethics and Disciplinary Body & Appeals Body. Season 2015/2016. January 2015 — June 2015.

¹⁷ См.: PFC CSKA Moskva. Decision of 27 October 2014. Case Law Control, Ethics and Disciplinary Body & Appeals Body. Season 2013/2014. July 2014 — December 2014.

¹⁸ См., напр., дело клуба Ferencvárosi T.C.: Decision of 3 February 2015. Case Law Control, Ethics and Disciplinary Body & Appeals Body. Season 2015/2016. January 2015 — June 2015.

¹⁹ По усмотрению соответствующего юрисдикционного органа УЕФА: Контрольно-дисциплинарной и этической комиссии, Апелляционной комиссии.

²⁰ См.: Ferencvárosi T.C. Decision of 3 February 2015.

²¹ См.: VfL Borussia Mönchengladbach. Decision of 19 May 2015. Case Law Control, Ethics and Disciplinary Body & Appeals Body. Season 2015/2016. January 2015 — June 2015.

Обращаясь к регулированию на уровне РФС, заметим, что согласно положениям ст. 32 Дисциплинарного регламента РФС и аналогичному подходу УЕФА футбольный клуб вне зависимости от наличия вины несет ответственность за оскорбительное поведение принадлежащих к нему болельщиков. С точки зрения российского гражданского права предложенная УЕФА модель строгой ответственности за действия болельщиков является дискуссионной: по общему правилу лицо несет гражданско-правовую ответственность за действия третьих лиц только в том случае, если оно возложило на них исполнение своих обязательств. Исключениями, в частности, являются ответственность учреждений сферы здравоохранения за оказание медицинских услуг²² и ответственность законных представителей за вред, причиненный несовершеннолетними²³. Но ответственность клубов за оскорбительное поведение болельщиков не является гражданско-правовой, так же как не рассматривается и в качестве уголовно-правовой или соответствующей природе публичного права.

Возможность освобождения клуба от ответственности на основании совершения оскорбительного действия одним болельщиком

Отдельные клубы могут попасть в заблуждение из-за использования в положениях ч. 2 ст. 16 Дисциплинарного регламента УЕФА слова «болельщики» во множественном числе. Тем не менее это является сугубо юридической техникой УЕФА, не влекущей освобождение клуба от ответственности в ситуации совершения оскорбительного действия одним болельщиком. В правоприменительной практике юрисдикционных органов УЕФА существует единообразный подход, без сомнений оценивающий единоличное оскорбительное действие как основание для привлечения клуба к ответственности в соответствии с п. «е» ч. 2 ст. 16 Регламента. К примеру, в деле клуба *Galatasaray A.S. Youth* Апелляционная комиссия однозначно указала распространение нормы вышеупомянутого пункта статьи и на действия, совершенные одним болельщиком²⁴. Таким образом, был признан несостоятельным довод клуба о локальном характере противоправного инцидента как основании, исключающем ответственность.

Оскорбительный баннер, продемонстрированный одним болельщиком, явился причиной для привлечения клуба *Vfl Borussia Mönchengladbach* к ответственности на основании п. «е» ч. 2 ст. 16 Дисциплинарного регламента УЕФА²⁵. Аналогичная юридическая техника была использована в положениях ст. 112 и 116 Дисциплинарного

²² См., напр.: *Архипова А.С.* Гражданско-правовая ответственность в сфере медицинских услуг // *Университетская медицина Урала*. 2016. № 3. С. 6–7.

²³ См., напр.: *Рузанова Е.В.* Особенности структуры обязательств, возникающих вследствие причинения вреда несовершеннолетними // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2015. № 3 (104). С. 75–78.

²⁴ См.: *Galatasaray A.S. Youth*. Decision of 3 February 2015.

²⁵ См.: Decision of 19 May 2015. Case Law Control, Ethics and Disciplinary Body & Appeals Body. Season 2015/2016. January 2015 — June 2015.

регламента РФС, оперирующих термином «зрители», но не исключаящих квалификации деяния клуба в ситуации оскорбительного скандирования или демонстрации оскорбительного баннера одним зрителем. При ином подходе защищаемые РФС, являющейся национальной ассоциацией и членом УЕФА, ценности футбола как спорта существенно бы умалялись, что давало бы повод для оспаривания правомочности преследования особенных интересов в процессе нормотворческой и правоприменительной деятельности спортивных организаций²⁶.

Подходы УЕФА и РФС к формулированию ответственности клубов за оскорбительное поведение болельщиков

В табл. 1 сравниваются положения п. «е» ч. 2 ст. 16 Дисциплинарного регламента УЕФА и ст. 112 и 116 Дисциплинарного регламента РФС, касающиеся оскорбительного поведения болельщиков, а в табл. 2 — санкции, применяемые к клубам вследствие оскорбительного поведения болельщиков.

Таблица 1

Ответственность клубов за оскорбительное поведение болельщиков: регулирование УЕФА и РФС

Действия болельщиков	Дисциплинарный регламент УЕФА	Дисциплинарный регламент РФС	
	п. «е» ч. 2 ст. 16	ст. 112	ст. 116
Скандирование* ненормативной лексики и/или оскорбительных выражений	Ответственность не предусмотрена	Ответственность предусмотрена	Ответственность не предусмотрена
Публичная демонстрация баннеров, плакатов, транспарантов и иных средств наглядной агитации оскорбительного характера либо содержащих ненормативную лексику	Ответственность не предусмотрена	Ответственность не предусмотрена	Ответственность предусмотрена
Использование жестов, слов, объектов или иных способов передачи информации, не относящейся к спортивному соревнованию, в частности сообщений политического, идеологического, религиозного, обвиняющего, провоцирующего характера	Ответственность предусмотрена	Ответственность не предусмотрена	Ответственность не предусмотрена

* Согласно ст. 112 Дисциплинарного регламента РФС скандирование — повторяющееся массовое выкрикивание.

²⁶ Ценность футбола как спорта и принимаемые УЕФА для продвижения такой цели акты используются в качестве основания для доказывания самостоятельного характера юрисдикционной деятельности, не связанной мотивацией решений национальными правоприменительными инстанциями даже по вопросам интерпретации основных прав и свобод (к примеру, свободы выражения мнения). См., напр., дело клуба *FC Barcelona*. Decision of 21 June 2016.

Таблица 2

**Санкции, применяемые к клубам за оскорбительное поведение болельщиков:
регулирование УЕФА и РФС**

Санкция	Дисциплинарный регламент УЕФА	Дисциплинарный регламент РФС	
	п. «е» ч. 2 ст. 16	ст. 112	ст. 116
Штраф и/или запрет на допуск зрителей в секторы стадиона на один матч	Не предусмотрен	Предусмотрен	Не предусмотрен
Штраф и/или запрет на допуск зрителей в секторы стадиона на один матч и/или проведение без зрителей одного матча	Не предусмотрен	Не предусмотрен	Предусмотрен
Санкции согласно перечню, предусмотренному Art. 6 Title 1 Sections a-r Disciplinary Regulations (от предупреждения до отзыва лицензии клуба)	Предусмотрены	Не предусмотрены	Не предусмотрены

Как можно заметить, несмотря на общую идею противодействия оскорбительному поведению болельщиков, в Регламентах УЕФА и РФС имеются различия.

Во-первых, РФС *разграничивает составы* повторяющегося массового выкрикивания ненормативной лексики, оскорбительных выражений (ст. 112) и публичной демонстрации средств наглядной агитации оскорбительного характера или содержащей ненормативную лексику (ст. 116).

Во-вторых, состав п. «е» ч. 2 ст. 16 Дисциплинарного регламента УЕФА в сравнении со ст. 112 и 116 Дисциплинарного регламента РФС предлагает более *широкую модель регулирования*, препятствующую *любым способам демонстрации болельщиками информации, не относящейся к спортивному соревнованию*. В подтверждение можно привести ст. 117 Дисциплинарного регламента РФС: привлечение к ответственности клуба за неправомерные действия болельщиков, не подпадающие под действие других норм. Положения данной статьи предполагают наличие установленного факта нарушения болельщиками общественного порядка, в содержание которого затруднительно включать любой способ демонстрации болельщиками информации, не относящейся к спортивному соревнованию. Несмотря на отмечаемую в научной литературе дискуссионность термина «общественный порядок» и отсутствие в российской правовой системе легального понятия, не охватываемые составами ст. 112 и 116 Регламента РФС *действия болельщиков по демонстрации информации, не относящейся к спортивному соревнованию, затруднительно квалифицировать в качестве нарушения общественного порядка*.

В-третьих, санкция за противоправные действия, охватываемые составом ст. 116 Дисциплинарного регламента РФС, более значительная (присутствует санкция «проведение без зрителей одного матча»), чем за действия, предусмотренные составом ст. 112, но менее значительная, чем круг санкций, предполагаемый положения-

ми п. «е» ч. 2 ст. 16 Дисциплинарного регламента УЕФА. Последний, как отмечено в табл. 2, предполагает на основании положений ст. 17 Дисциплинарного регламента УЕФА дискреционное право юрисдикционных органов УЕФА выбирать из перечня санкций, основываясь на обстоятельствах дела и принципе соразмерности санкции совершенному деянию.

В-четвертых, необходимо учитывать сформулированное в ст. 19 Дисциплинарного регламента УЕФА *правило рассмотрения рецидива как отягчающего обстоятельства*. Рецидив применительно к противоправным действиям болельщиков, охватываемым составом нормы п. «е» ч. 2 ст. 16 Регламента, рассматривается как аналогичное правонарушение, совершенное в пределах трех лет с даты привлечения клуба к ответственности²⁷. В свою очередь, Дисциплинарный регламент РФС применительно к нормам ст. 112, 116 не оперирует понятием рецидива или повторного совершения правонарушения в качестве влияющего на определение размера санкции и оставляет в норме ст. 26 право органов спортивной юстиции РФС *case-by-case* выявлять отягчающие обстоятельства. К их числу может относиться повторное совершение аналогичного правонарушения и, как следствие, появляется право применить более серьезную из санкций, предусмотренных нормами ст. 112 или 116. Также в Дисциплинарном регламенте РФС *отсутствует указание на давность* принятия юрисдикционными органами РФС решения по первому делу *в целях установления рецидива*. Следовательно, рецидив рассматривается только в пределах одного сезона соревнования под эгидой РФС.

Действие норм п. «е» ч. 2 ст. 16 Дисциплинарного регламента УЕФА, ст. 112 и 116 Дисциплинарного регламента РФС во времени: до, во время и после матча

Дискуссионным, с нашей точки зрения, является момент совершения болельщиками оскорбительного поведения применительно к нормам п. «е» ч. 2 ст. 16 Дисциплинарного регламента УЕФА. Рассматриваемые положения определили время совершения противоправного деяния только в отношении организации и обеспечения безопасности «до, во время и после матча» (ч. 1 ст. 16). Для правонарушения, предусмотренного п. «е» ч. 2 ст. 16 Регламента, такое время нормативно не определено. Однако из системного толкования ч. 1 и 2 ст. 16 можно сделать вывод о распространении момента «до, во время и после матча» на *оскорбительные действия болельщиков, зафиксированные в нормах ч. 2 ст. 16*. Подтверждение такого вывода представлено в практике юрисдикционных органов УЕФА, также по аналогии распространяющей действие норм ч. 1 ст. 16 Дисциплинарного регламента УЕФА об определении территориальных границ ответственности клуба (стадион и прилегающая к стадиону территория) на нормы ч. 2 ст. 16²⁸.

В свою очередь, в положениях ст. 112 и 116 Дисциплинарного регламента РФС тоже присутствует дискуссионный момент. Если в ст. 112 момент совершения болельщи-

²⁷ См.: п. «d» ч. 1 ст. 19 Дисциплинарного регламента УЕФА.

²⁸ В частности, в деле клуба *FC Barcelona*, см.: Decision of 21 June 2016.

ком оскорбительного действия сформулирован однозначно (до, во время и после матча), то ст. 116 не содержит упоминания о таком промежутке времени. Но поскольку положениями ст. 116 защищаются цели, аналогичные тем, что зафиксированы в ст. 112, и связанные с продвижением футбола как спорта без оскорбительных действий болельщиков, то мы считаем, что *на действие ст. 116 распространяется период «до, во время и после матча»*. РФС сформулировал понятия каждого из этих трех периодов в разделе «Список терминов и определений» Дисциплинарного регламента РФС, что означает большую определенность в отличие от подхода, использованного в Дисциплинарном регламенте УЕФА.

Однако, как мы ранее заметили на примере термина «болельщик», УЕФА умышленно отказывается от введения в положения Регламента точных дефиниций. В ином случае сужение дискреционных правомочий юрисдикционных органов Союза ассоциаций негативно повлияло бы на защиту целей и ценностей футбола, отмеченных в СтатUTE УЕФА. Не будем забывать: обоснованность такой позиции, направленной на использование открытых концепций, была подтверждена и CAS на примере понятия «болельщик», также указавшего на особенные цели футбола как спорта и обусловленную этим фактом некорректность использования стандартных подходов к моделям регулирования.

Действие норм п. «е» ч. 2 ст. 16 Дисциплинарного регламента УЕФА, ст. 112 и 116 Дисциплинарного регламента РФС в пространстве

Согласно п. «е» ч. 2 ст. 16 Дисциплинарного регламента УЕФА местом совершения правонарушения признаются стадион и прилегающая территория, причем понятие «стадион» в Регламенте не сформулировано.

В ст. 112 и 116 Дисциплинарного регламента РФС зафиксировано, что таким местом является стадион, и в соответствующем разделе Регламента дается определение этого понятия²⁹ (включающее, заметим, прилегающую территорию вплоть до внешнего ограждения). Следовательно, в отношении применения ст. 112 и 116, распространяющихся на оскорбительное поведение болельщиков на стадионе, существует определенность, которой нет в положениях ст. 16 Дисциплинарного регламента УЕФА по причине умышленного отказа Союза ассоциаций от формулирования понятия «стадион».

Тем не менее определение термина «стадион» раскрывается в некоторых актах ФИФА и УЕФА и рассматривается в правоприменительной практике юрисдикционных органов УЕФА. На уровне ФИФА понятие «стадион» содержится в разделе «Термины» Регламента ФИФА о безопасности и порядке. Под стадионом предлагается понимать *непосредственно спортивное сооружение, все строения и территорию*

²⁹ В разделе «Список терминов и определений» Дисциплинарного регламента РФС стадион определяется как комплекс спортивных сооружений, предназначенных для проведения учебно-тренировочного процесса и спортивных мероприятий по различным видам спорта, с прилегающей к нему территорией, вплоть до внешнего ограждения, основным элементом которого является спортивная арена, предназначенная для проведения соревнований по футболу. К стадионам также относятся спортивные площадки, на которых проводятся соревнования по спортивным дисциплинам футбола (в том числе мини-футболу и пляжному футболу).

в пределах ограждения внешнего периметра, а также воздушное пространство над сооружением, строениями и территорией (в дни матчей и во время дней тренировок на стадионе команды). Стадион включает парковочные места, зоны VIP, зоны развлечений, зоны для СМИ, зоны трансляций, пресс-центр, зоны торговли, зоны размещения рекламы, игровое поле, трибуны и территорию перед трибунами.

В целом соответствует подходу ФИФА и позиция УЕФА, раскрывающая понятие «стадион» в нормах Регламента по лицензированию клубов и финансовой *fair play* (UEFA Club Licensing and Financial Fair Play Regulations) и Регламента УЕФА о безопасности и порядке. В нормах ст. 3 Регламента по лицензированию *стадион определяется как пространство для спортивного мероприятия, включающее все прилегающие объекты и строения, но не ограниченное ими* (включая административные здания, зоны развлечения, пресс-центр, аккредитационную зону). Согласно нормам ст. 45 Регламента УЕФА о безопасности и порядке клуб — организатор матча должен пресекать любые провокационные действия болельщиков (оскорбительное поведение, провокации по отношению к игрокам, болельщикам противостоящего клуба) *на стадионе и на прилегающей к стадиону территории*.

В правоприменительной практике юрисдикционных органов УЕФА действия положений ч. 2 ст. 16 Дисциплинарного регламента распространяются *на стадион и прилегающую территорию по аналогии с территориальными пределами ответственности клуба, указанными в ч. 1 ст. 16 Регламента*. Так, в деле клуба KKS Lech Poznań Апелляционная комиссия указала, что обоснованно считать территориальную локацию действия нормы ч. 1 ст. 16 актуальной и для применения ч. 2 ст. 16 Дисциплинарного регламента. Вывод является правомерным, так как нет никаких оснований для того, чтобы уточнять пределы ответственности клуба в положениях ч. 1 ст. 16, но в ч. 2 этой статьи без специальной нормативной регламентации «по умолчанию» ограничивать территориальное применение нормы. Следовательно, нормы п. «е» ч. 2 ст. 16 Дисциплинарного регламента УЕФА распространяются на оскорбительное поведение болельщиков, совершённое *на стадионе — спортивном сооружении, являющемся пространством для спортивного мероприятия и включающем все прилегающие объекты, строения, но не ограниченное ими* (включая административные здания, зоны развлечения, пресс-центр, аккредитационную зону), *а также на прилегающей к стадиону территории*.

Выводы

Как мы отметили в настоящей статье, УЕФА является ассоциацией, зарегистрированной на основании швейцарского права. Как следствие, положения ст. 60 ГК Швейцарии позволяют организации устанавливать собственные нормы и распространять дисциплинарную власть на своих участников. При этом право наложения санкций основывается на нормах гражданского, частного права, а не административного или уголовного права. Поэтому санкции, применяемые юрисдикционными органами, не являются наказанием в значении, которое придают этому понятию национальное и международное уголовное право. Значит, УЕФА может применять на основании собственного нормативного регулирования и некоторых основных принципов права (включая, но не ограничиваясь ими, принципы пропорциональности и право быть услышанным) дисциплинарные санкции в отношении клубов-участников.

Обязанность надлежащего обеспечения безопасности, как следует из положений ч. 1 ст. 16 Дисциплинарного регламента УЕФА, возложена на клуб, являющийся организатором матча, и подкреплена ответственностью за нарушение клубом этой обязанности. Подобная логика прослеживается и в положениях ст. 101 Дисциплинарного регламента РФС, устанавливающих ответственность клуба — принимающей стороны за необеспечение общественного порядка и безопасности на стадионе. Применительно к обязанности надлежащей организации матча и обеспечения безопасности УЕФА в нормах ч. 1 ст. 16 Регламента не использует принцип строгой ответственности, предлагая клубу доказывать отсутствие вины. Такой подход в целом соответствует позиции РФС, закрепившего в положениях ч. 3 ст. 5 своего Дисциплинарного регламента понятие вины субъекта, а в положениях ст. 101 не сформулировавшего исключение из общего принципа ответственности на основании вины клуба в пользу использования принципа строгой ответственности в отличие от ст. 112 и 116 Дисциплинарного регламента РФС.

Заметим также, что УЕФА не регулирует бремя ответственности клубов на основании признака нахождения принадлежащих к ним болельщиков в определенных секторах и трибунах стадиона. Вместо этого в правоприменительной практике юрисдикционных органов используется модель добросовестного, объективного наблюдателя, которая может учитывать место расположения болельщика, но опирается на осознание гипотетическим наблюдателем принадлежности болельщика к конкретному клубу, т.е. на совокупность объективных фактов. Как следует из последовательной правоприменительной практики, УЕФА принципиально не определил понятие «болельщик» в положениях своих регламентов, и такое понятие представляет собой открытую концепцию: не связано ни с расой, ни с национальностью, ни с гражданством или местом проживания лица, ни даже с фактом приобретения билета для посещения матча.

Не является основанием, освобождающим от ответственности на основании норм п. «е» ч. 2 ст. 16 Дисциплинарного регламента УЕФА, наличие у клуба политики, противодействующей оскорбительному поведению болельщиков. Аналогичный вывод можно сделать по отношению к действиям официальных лиц клуба по пресечению оскорбительного поведения болельщиков. Такие действия могут учитываться, как следует из положений ст. 17 Дисциплинарного регламента УЕФА, только в качестве смягчающих обстоятельств. Однако любая дополнительная, т.е. не предусмотренная Регламентом УЕФА о безопасности и порядке, активность клуба по превенции поведения болельщиков, описанного в положениях п. «е» ч. 2 ст. 16 Дисциплинарного регламента, может быть оценена как смягчающее обстоятельство. Тем не менее содержание дополнительной активности клуба не следует рассматривать настолько широко, чтобы включать в нее меры, предпринятые клубом *post factum*. В то же самое время незамедлительная реакция клуба-организатора на поведение болельщиков, предусмотренное п. «е» ч. 2 ст. 16 Дисциплинарного регламента УЕФА, может рассматриваться как смягчающее обстоятельство. Право дискреции юрисдикционного органа УЕФА в этом вопросе следует из положений ч. 3 ст. 17 Регламента, и обстоятельства оцениваются в каждом конкретном деле индивидуально (согласно так называемому *case-by-case basis*).